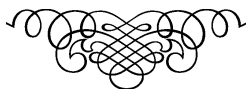

Темные, как сажа, ночи лета,
Прядь тумана в поле пролегла...
До щеки моей коснулся ветер
Легким дуновением крыла.

Кто это? Зачем меня ласкает?
Вздохи чьи тихонько
пронеслись?
Может, это вышла дорогая
Навестить меня из-под земли?

В. Короткевич

Город совсем не изменился, как был безрадостным захолустьем, так и остался. Разве что на обшарпанных стенах домов появилось граффити, центральный и единственный универсам переименовали в супермаркет, но при этом облагородить его внешний вид так и не удосужились. А скамейки в сквере, как и раньше, поломаны все до единой, и урны днем с огнем не сыскать...

Варя с досадой посмотрела на обертку из-под шоколадного батончика, который только что съела вопреки данному себе обещанию не обжираться и считать калории. Ну и куда ее теперь?

Можно было поступить как аборигены: бросить на землю, прямо себе под ноги, но тринадцать лет столичной жизни давали о себе знать, и скрепя сердце Варя сунула обертку в карман джинсов. Она же теперь барышня цивилизованная, не то что эти...

Татьяна
Корсакова

Родной город Варя не любила, честно пыталась вспомнить хоть одно приятное событие, с ним связанное, и не могла. Это не город, это черная дыра, в которой бесследно исчезли семнадцать лет ее жизни. И дернул же черт вернуться...

Достав из сумки распечатанный конверт, девушка, наверное, уже в двадцатый раз перечитала письмо. И не письмо даже, а что-то вроде официального уведомления, в котором сухим казенным языком сообщалось, что гражданке Варваре Александровне Савельевой надлежит явиться в город N не позднее двенадцатого июля, так как в четырнадцать часов указанного дня будет оглашено завещание гражданина Л. В. Поклонского, наследницей которого она является.

Варя понятия не имела, кто такой этот Л. В. Поклонский и какое отношение она имеет к завещанию чужого дяди, но после долгих колебаний здоровое любопытство пересилило-таки застоявшуюся, как болотная вода, нелюбовь к родному городу.

Подготовка к отъезду не заняла много времени. За тринадцать лет жизни в столице Варя не нажила особого добра — все моталась по съемным углам. Шанс купить собственную квартиру появился у нее совсем недавно, всего год назад. Конечно, чтобы мечта стала явью, надо поднажать и пахать в том же бешеном темпе еще как минимум лет пять. Но что такое пять лет по сравнению с тринадцатью? Сущие пустяки.

С официальной работой тоже не возникло особых затруднений. Маленькая фирма по продаже

Дом у Чертова озера

оргтехники, в которой Варя последние четыре года трудилась офис-менеджером, не выдержала натиска конкурентов и не далее как пару дней назад была признана банкротом, а весь ее немногочисленный штат оказался на улице. Лично для Вари в этом вполне прогнозируемом событии не было ничего трагического. Наоборот, судьба предоставила ей реальный шанс сменить скучную и малооплачиваемую работу на что-нибудь более подходящее ее образованию и внутренним потребностям. Положа руку на сердце, сделать это нужно было намного раньше, но Варе не хватало решимости, да и гибкий график ее вполне устраивал. Теперь же придется искать новое место. И даже не потому, что с потерей работы ей предстояло жить на хлебе и воде — побочный заработок в десятки раз превышал ее официальный доход, и на безбедное существование его вполне хватало, — но Варя привыкла здраво смотреть на вещи и понимала, что стабильная зарплата надежней. К тому же обидно, что диплом о высшем экономическом образовании пылится без дела. Вот съездит она на малую родину, развеется, а потом с чистой совестью начнет искать новую работу.

Съездила...

Варя пожалела о своем решении, как только вышла на перрон вокзала. Нет, ничего особо ужасного с ней не произошло. Не грянул гром, не разверзлась под ногами земля, просто с первым же глотком здешнего воздуха в кровь просочился страх и то мерзкое чувство неуверенности, которое она из-

Татьяна
Корсакова

живала из себя все предыдущие годы. Варя знала: воздух этого города для нее смертельно опасен, он возвращает ее в прошлое, а в прошлое она больше не хочет...

Обертка от шоколадного батончика противно шуршала в кармане при каждом шаге. Варя чертыхнулась, достала ее и швырнула на дорожку. Вот такая маленькая месть, так сказать, акция протеста.

Акция не прошла незамеченной — старенькая бабулька в ситцевом цветастом платочке, возникшая точно из ниоткуда, покачала головой и сказала укоризненно:

— Как же тебе, девонька, не стыдно мусорить-то?! Это же, чай, сквер, а не помойка!

— Простите. — Варя подобрала обертку, сунула обратно в карман.

— Ну, и чего ты мусор всякий в карманы пихаешь? — не унималась бабулька. — У нас город высокой культуры! Вона, на выходе целых две мусорки имеются. Эх, молодежь нынче пошла бестолковая! Учить ее да учить...

Город высокой культуры! Варя едва удержалась, чтобы не расхохотаться. И в центральном сквере аж две мусорки! Во времена ее босоногой юности не было ни одной, значит, прогресс все-таки не стоит на месте, а движется вперед семимильными шагами. Вон и тумбу афишную поставили, совсем новую, еще не исписанную всякой похабщиной. И плакатик на ней висит такой яркий, такой креативный, глаз не оторвать. Мордастый дяденька в стро-

Дом у Чертова озера

гом костюме и остроактуальном у представителей нынешней власти красном галстуке в окружении счастливой ребятни. Внизу подпись: «Я о них позабочусь!» Ну, прямо Ленин и дети!

— Любуешься? — Бабулечка сложила сухонькие ладошки в жесте умиления. — Красавец, правда?

— А кто это? — спросила Варя. Не то чтобы ей было так уж интересно, кто такой этот мордастый дядька, обещающий позаботиться о подрастающем поколении, просто старость надо уважать, а бабулечке, по всему виду, очень хочется поговорить.

— Ты что, нездешняя? — Старушка посмотрела на нее со смесью любопытства и пренебрежения.

— Нездешняя.

— А, ну так я и вижу: одета как-то не по-людски, некультурная, да еще и с саквояжем. — Бабулька неодобрительно покосилась сначала на Варины потертые джинсы, потом на дорожную сумку, которая абсолютно ничем не напоминала саквояж. — Это ж сам Дмитрий Петрович Жуанов, наш новый мэр! Всего тридцать лет, а он уже городской голова! Между прочим, обещал прибавку к пенсиям.

Жуанов?! Варя подошла вплотную к афише, внимательно всмотрелась в лицо дядьки с плаката. Если дядьке сбросить десяток годков и пару десятков лишних килограммов, то запросто может получиться тот Жуан, которого она знала в прошлой жизни. Значит, вот кто теперь городской голова! Варя саркастически хмыкнула. Ну что ж, каков голова, таков и город...

Татьяна
Корсакова

* * *

— Ворон, останови! Останови эту гребаную тачку, я сказала! — Несмотря на то что в салоне джипа работал климат-контроль, Дарина нервно обмахивалась свежим номером «Космо», своим путеводителем по жизни, и страдальчески закатывала глаза.

— Что еще? — Влад скрипнул зубами и врезал по тормозам с такой силой, что «Космо» вылетел у Дарины из рук и плюхнулся на резиновый коврик под ногами.

— Ворон, ты мне ноготь сломал! — Она горестно посмотрела на указательный палец. — А я только вчера маникюр сделала. Между прочим, сто баксов за него отдала!

— Ты же просила остановить машину. — Влад сжал руль, мысленно досчитал до пяти. Надо было как минимум до двадцати пяти, но раздосадованная потерей любимого ногтя подружка не дала ему такой возможности.

— Ты так несся! Меня укачало! И ноготь... это ужасно!

Тирада получилась не совсем внятной, но общий смысл Влад уловил.

— Сделаешь новый маникюр, ничего страшного.

— Ничего страшного?! — Дарина посмотрела на него, как на душевнобольного. — Где ты тут видишь маникюрный салон?!

Влад вздохнул, опустил стекло, и в салон тут же

Дом у Чертова озера

проник одуряюще сладкий воздух родины: запахло влажной после недавнего дождя землей.

— До города осталось всего пару километров. — Дух отечества примирил его с капризами подружки. В конце концов, она всего лишь девушка. Что с нее взять?

— Думаешь, в твоём Мухосранске есть приличный салон красоты? — Дарина баюкала пострадавший палец, как заботливая мать баюкает младенца.

Влад нахмурился. Ему не нравилось, когда о его родном городе отзывались столь пренебрежительно. И пусть он не был дома вот уже тринадцать лет, это ничего не меняет. Одного движения бровей хватило, чтобы Дарина поняла, что капризничать дальше нецелесообразно. Вот за что она ему нравилась, так это за хорошо развитую интуицию и умение вовремя дать задний ход.

— Ну, Владуся, ну прости меня! — Дарина безмятежно улыбнулась, погладила его по небритой щеке.

Влад раздраженно дернул плечом. Он Влад Ворон, бас-гитарист известной на всю страну рок-группы, а не какой-то там Владуся!

Воспоминания о группе не оставили камня на камне от недавнего лирического настроения. Может быть, он и вправду самый лучший на просторах СНГ бас-гитарист, им интересуются не только российские, но и иностранные продюсеры, а на горизонте маячит контракт с одной далеко не последней звукозаписывающей компанией в Соединенных Штатах, но от мысли, что с «Фаренгейтом» его

Татьяна
Корсакова

теперь ничего не связывает, сердце щемит и вроде даже обливается кровью.

Черт возьми, так обидно! И плевать на славу и дикую популярность в рок-тусовке. «Фаренгейт» — это его детище! Давно, больше десяти лет назад, название и концепцию группы они в муках рожали на пару со Славкой Масловым, а сейчас этот самый Славка решил эту выстраданную и оправданную временем концепцию изменить. Видите ли, чистый рок — уже коммерчески неоправданно. В свете нынешних реалий шоу-бизнеса надо быть гибче, внимательнее следить за конъюнктурой рынка. А в том, что при таком подходе «Фаренгейт» рискует стать полупопсовой группой, Славка, известный фанатам под грозным прозвищем Изверг, не видел ничего катастрофичного. Наоборот, считал, что этот маневр привлечет в ряды их поклонников «свежую кровь». Парочка лирических баллад, парочка новых синглов дуэтом с какой-нибудь звездюлькой от попсы — и от фанатов не будет отбоя!

Да на кой ляд «Фаренгейту» сопливые подростки, когда у него уже есть свой, устоявшийся, проверенный временем круг поклонников?! Тридцати-или даже сорокалетние мужики — это же серьезная публика, это же силища! И энергетика во время концерта от них прет нешуточная, такая, что башню срывает, а за спиной вырастают крылья. И что, Славка, мать его, Изверг думает, будто от тинейджеров получится точно такая же отдача? Вряд ли. Скорее дело в том, что бывший товарищ и деловой партнер зажрался. Бабок ему мало, а того не пони-

Дом у Чертова озера

мает, что смена концепции зарует «Фаренгейт» в землю по самую маковку, обезличит и изуродует. Влад ему так и сказал, думал, друг не понимает, хотел глаза открыть. А оказалось, что все он прекрасно понимает, коммерсант хренов. Они тогда разругались вдрызг, морды друг другу набили, а к консенсусу так и не пришли. Вот Влад и принял нелегкое для себя решение уйти из группы. Точно острой бритвой по живому полоснул. Не станет он, Влад Ворон, прогибаться ради вшивого шоу-бизнеса. А Сашка еще покрутится без бас-гитариста и качественной музыки. Вот только группу жалко, это все равно что родного ребенка на чужого дядю оставлять...

— Ворон, ну что же мы стоим?! — Дарина нетерпеливо побарабанила пальчиками по приборной панели.

— Тебя же укачало, — сказал он раздраженно.

— Пока ты тут рассиживался, меня уже обратно откачало!

Укачало-откачало... Красота! Надо будет как-нибудь расспросить боевую подругу о ее прошлом. А то только и знает, что Дарина модель, да еще, кажется, начинающая актриса. Интересно, как она, начинающая актриса, живет с таким «богатым» словарным запасом. Укачало-откачало...

— Ворон, ну что ты смотришь на меня? Поехали уже! И окно закрой! Жарко! — Дарина расстегнула еще одну пуговку на и без того суперэротичной блузке, и Влад тут же простил ей и нытье по поводу загубленного ногтя, и словарный запас уровня

Татьяна
Корсакова

продавщицы мороженого. Такую девушку, как Дарина, совсем не обязательно слушать, на нее нужно смотреть. Потому что слушать там нечего, а вот посмотреть есть на что. Ноги длиннющие, грудь не абы какого, а четвертого размера, симпатичная мордашка и во все времена остроактуальная блондинистость — одним словом, апофеоз сексуальной привлекательности. И то, что сексуальность эта не совсем натуральная, Влада почти не смущало. Бог с тем, что грудь не родная, а чуток силиконовая. Зато какая красивая и от настоящей совсем не отличается, даже на ощупь. И то не страшно, что блондинистость не природная. Зато смотрится вполне естественно. Про отбеленные зубы, наращенные ногти и ресницы вообще не стоит говорить, по нынешним временам это сущие пустяки.

— Владик, — Дарина поймала его взгляд, игриво улыбнулась, — ну что ты на меня так смотришь? Сам же говорил, что надо торопиться, а то не успеем.

Влад усилием воли оторвал взгляд от выреза ее блузки и взглянул на часы. Все нормально, они успевают и даже имеют кое-какой запас времени. Он открыл «бардачок», проверил, на месте ли документы и письмо.

Письмо целый месяц ждало Влада в Москве, пока он с «Фаренгейтом» мотался с концертами по городам и весям, и это просто чудо, что оно не затерялось среди десятков посланий от фанатов, а дождалось-таки адресата. Сначала Влада заинтересовала витиеватая подпись и казенные печати — несколь-

Дом у Чертова озера

ко необычные атрибуты для почитателей его таланта, — и только потом он прочел само письмо.

Оказалось, что в родном городе преставился какой-то совершенно незнакомый Владу мужик, а перед тем как преставиться, пожелал поделиться с ним своим имуществом. О каком именно имуществе идет речь, не было сказано ни слова, зато Владу предлагалось поприсутствовать на оглашении завещания, которое состоится двенадцатого июля в два часа дня.

В другое время он такое письмецо выбросил бы, не читая, в целях экономии личного времени, но сейчас времени у него вагон. Можно сказать, первый полноценный отпуск за пятилетку. Так почему бы не развеяться, не смотаться в родные края, а заодно и не выяснить, что же за наследство оставил ему незнакомый дядька? Никакого шкурного интереса при этом у Влада не было. К своим тридцати годам он успел сколотить вполне приличное состояние: сначала сумел заработать деньги, потом не потратить их на бессмысленные цацки и тусовочную жизнь, а вполне удачно вложить и приумножить. Просто захотелось прошвырнуться в город детства, вспомнить былое, увидеться с бывшими друзьями, а письмо от нотариуса — это вроде как повод.

Дарина от его решения навестить город детства в восторг не пришла, но все же согласилась сопровождать в путешествии. Наверное, испугалась, что стоит только оставить Влада без присмотра, как его тут же уведут, а он кавалер перспективный: извест-

Татьяна
Корсакова

ный, нежадный и в меру симпатичный. Поди сейчас подыщи такому замену. В общем, Дарина поехала с ним, и теперь Влад все чаще и чаще думал, что лучше бы она осталась в Москве, потому что ее глупые капризы отвлекали, не давали настроиться на правильную волну. Эх, надо было ее все-таки оставить...

* * *

Как же она ненавидела этот город! Ненависть, оказывается, ничуть не уменьшилась за истекшие годы. Хуже того, она была взаимной. Город ее тоже ненавидел и демонстрировал это при любом удобном случае. Началось с того, что на вокзале не нашлось ни одной работающей камеры хранения, и вместо того чтобы идти налегке, пришлось тащить за собой «саквояж». Можно было бы поймать такси, но единственный бомбила, повстречавшийся на Варином пути, запросил такую астрономическую сумму, что она отказалась из принципа, о чем, впрочем, очень скоро пожалела.

Общественный транспорт, облезлый «ЛАЗ», был забит под завязку. Варя едва удалось втиснуться на заднюю площадку, как ее тут же обматерила толстая, пропахшая потом и дешевыми духами тетка, которой Варя почему-то «мешала жить». Тетка ругалась и энергично орудовала локтями, расчищая себе жизненное пространство. Конкуренты тоже в долгу не оставались, и очень скоро Варя оказалась в эпицентре военных действий. Без членовреди-

Дом у Чертова озера

тельства обошлось только чудом, да и то исключительно потому, что на следующей же остановке она позорно бежала, и все та же толстая тетка еще долго орала ей вслед, что «нечего в автобусах ездить, чужие места занимать, а надо пешью ходить, что она кобылица молодая и здоровая, а все туды же — граждан нервировать...».

Оказавшись на свежем воздухе, Варя сделала глубокий вдох, прогоняя из легких остатки теткинских духов, посмотрела вслед отползающему от остановки «общественному транспорту», кое-как отряхнула сумку и потопала пешком.

Вот ведь удивительное дело, городок маленький — население тысяч сорок, не больше, — а размазан по территории, равной чуть ли не половине Москвы. Пока его обойдешь, все ноги посбиваешь. А еще жара. Ночью прошел дождь, казалось бы, живи и радуйся, так нет, полуденное солнце раскалило асфальт, и воздух стал липким от испарений. Черная дыра, как есть, черная дыра.

Варя остановилась, швырнула саквояж себе под ноги, отерла со лба пот и посмотрела на часы. Половина второго, до встречи с нотариусом осталось совсем ничего, но небольшой тайм-аут взять все-таки стоит. Она огляделась в поисках свободной скамейки. Скамейки не обнаружила, зато увидела еще один плакат, на котором мэра Жуанова окружали уже не радостные дети, а аккуратненькие, умильно улыбающиеся старушки в одинаковых белых платочках. Из размещенной под изображением надписи следовало, что городской голова по-

Татьяна
Корсакова

заботится и о них. Интересно, о ком еще собирается позаботиться этот самодовольный урод? Все самые социально не защищенные слои населения — детей и стариков — он своим неусыпным вниманием уже охватил. Кто там дальше по списку? Матери-одиночки, безработные, бездомные?..

Додумать мысль до конца Варя не успела, потому что промчавшийся всего в нескольких сантиметрах здоровенный черный джип окатил ее водой из лужи.

— Вот урод! — От обиды и злости на глаза навернулись слезы.

Да, хорошо начался визит в родной город, ничего не скажешь! Варя стяхнула с волос воду, вытерла мокрое лицо. В таком виде ее теперь, пожалуй, и к нотариусу не пустят. А все из-за этого отморозка! Попрокальвать бы ему колеса, чтобы знал, как людей обливать...

Мысль о страшной мести была упоительно сладкой, но, увы, неконструктивной. Сейчас надо думать над тем, что делать с одеждой.

Решение оказалось простым. Двери ближайшего к дороге жилого дома по случаю жары были распахнуты настежь. Варя шмыгнула в первый же подъезд, взбежала по грязной лестнице на чердачный этаж. Вот здесь можно переодеться...

До часа «Х» оставалось десять минут, когда Варя вышла к уютному зеленому дворику, окружавшему по-европейски респектабельный одноэтажный

Дом у Чертова озера

дом. Да, хорошо устроились здешние нотариусы. Она помнила этот дом. Когда-то он был старой развалюхой с облупившимися стенами и полусгнившими оконными рамами, но деньги и строители сотворили чудо.

Рядом с домом на парковочной стоянке дремала представительная «Ауди» и... — Варя не поверила своим глазам — знакомый черный джип. Именно тот самый, ошибки быть не могло: вон на лоснящихся боках видны потеки грязи, а еще номера московские...

— Попался, голубчик! — Она торопливо огляделась, достала из «саквояжа» дорожный складной ножик...

Задача оказалась не из легких, но Варя очень старалась, и старания увенчались успехом. Полюбовавшись секунду на то, как из проколотых задних шин со змеиным шипением выходит воздух, она спрятала нож и отошла от джипа на безопасное расстояние.

Некрасиво и непорядочно? А красиво девушку грязной водой обливать? Теперь этому залетному хаму придется попотеть: она прошла полгорода и не увидела ничего похожего на станцию техобслуживания.

Изнутри нотариальная контора оказалась такой же респектабельной, как и снаружи: евроремонт, кондиционированная прохлада, секретарша в просторной приемной.

— Здравствуйте, мне назначена встреча на два часа дня. — Варя положила перед секретаршей письмо с уведомлением.

Татьяна
Корсакова

— Да, конечно, — та улыбнулась ей как родной, — Вениамин Ильич вас уже ждет. Прошу, — вежливый кивок в сторону дубовой двери, на которой красовалась медная табличка с надписью «Конференц-зал», уточнил, где именно ждет ее Вениамин Ильич.

Комната, скрывающаяся за дверью, походила скорее на зал для переговоров, чем для конференций. Длинный стол, ровные ряды офисных стульев, а в одном из торцов — представительное кожаное кресло, разительным образом отличающееся от своих мебельных собратьев и, по всей вероятности, служащее для того, чтобы лишний раз подчеркнуть значимость сидящего в нем господина. Сам господин был невзрачен и невыразителен: тщедушный лысеющий мужичок в дорогих очках и сильно измятой рубашке. При виде Вари его унылое лицо озарилось отеческой улыбкой.

— Варвара Александровна, если не ошибаюсь?! — Он проворно выбрался из кресла и энергично потряс Варину руку. — А я Вениамин Ильич Кукушкин, нотариус и душеприказчик господина Поклонского. Очень рад вас видеть. Прошу к столу! Сейчас распоряжусь насчет прохладительных напитков. Жарковато сегодня, не находите? — Оставив наконец в покое ее руку, нотариус метнулся к приоткрытой двери и гаркнул во все горло: — Любовь Станиславовна, еще минералки, пожалуйста!

Варя, до того момента с неусыпным интересом следившая за действиями милейшего Вениамина Ильича, отважилась переключить свое внимание

Дом у Чертова озера

на других людей, присутствующих в конференц-зале.

За столом, рядом с креслом нотариуса, расположились двое. Крашенная блондинка, словно сошедшая с обложки «Плейбоя», нетерпеливо барабанила по столешнице длинными ноготками и смотрела на Варю со смесью недоумения и свойственным всем девушкам «Плейбоя» превосходством. Ее спутник, длинноволосый, плечистый детинушка, с железной цепью на бычьей шее, шипастым кожаным браслетом на запястье и диковинной татуировкой на предплечьях, сидя вполоборота к двери, раскачивался на стуле и, не стесняясь в выражениях, костерил по мобильнику какого-то изверга. Вариного появления он, кажется, даже и не заметил. В общем, чувствовалось, что у этой парочки — девушки из «Плейбоя» и косматого рокера — большие проблемы с воспитанием.

Варя обошла стол, уселась напротив девицы и сунула саквояж под стул. Вскоре на свое место вернулся нотариус, хлопнул ладонями по столу, радостно сказал:

— Ну-с, скоро начнем, господа! Осталось дожидаться еще одного человека.

Рокер, к этому времени закончивший переговоры, сунул мобильник в карман и развернулся лицом к Варе...

Ох, зря она приехала в этот чертов город! Ведь чувствовала недоброе...

— Здравствуйте, — рокер окинул ее заинтересованным взглядом, вежливо улыбнулся и даже слегка

Татьяна
Корсакова

привстал со стула. — Я так понимаю, вы тоже за наследством?

Сердце сжалось, дернулось сначала вверх, потом вниз. Не узнал! Тринадцать лет назад чуть ей всю жизнь не исковеркал, а сейчас не узнал...

* * *

Влад думал, что, уехав из Москвы, освободится от всех проблем и моральных обязательств, но не тут-то было! Славка Изверг не желал оставлять его в покое. Первый раз он позвонил, когда Влад уже въехал в город. Мобильный, заброшенный за ненужностью в «бардачок», вдруг заорал дурным голосом. Именно таким голосом он сообщал о желании бывшего друга и бизнес-партнера поговорить «за жизнь». У Изверга не было простых разговоров, у него все разговоры велись исключительно «за жизнь».

Влад бросил раздраженный взгляд в сторону «бардачка» и решил не отвечать. А что отвечать, если все уже давно говорено-переговорено, и даже морды друг другу набиты, так сказать, в подтверждение слов?

Мобильник поорал-поорал да и заткнулся, но не успел Влад расслабиться, как проклятая штуковина снова ожила.

— Может, ответишь? — спросила Дарина. — Ну надоело же, честное слово!

— Ладно, подай, — буркнул он.

Владу всегда казалось, что длинные ногти — это

Дом у Чертова озера

очень непрактично. Дарина на деле доказала это предположение: алые коготки царапнули по крышке мобильного, и телефон брякнулся на пол, туда же, куда незадолго до того упал «Космо».

— Это потому что он вибрирует! — сообщила боевая подруга и скрестила на груди руки, демонстрируя свое нежелание лезть за мобильником под кресло.

Влад чертыхнулся, левой рукой удерживая руль, правой принялся шарить по полу. Истощенный визг Дарины раздался, когда телефон был уже у него.

Черт! Влад успел вывернуть руль в самый последний момент, и стоящую у дороги девушку всего лишь окатило водой. Всего лишь, потому что могло быть гораздо хуже, по его, между прочим, вине!

— Твою ж мать! — Он сунул замолчавший мобильник в карман и дрожащей рукой вытер выступившую на лбу испарину.

— Ты ее чуть не задавил! — радостно сообщила Дарина. — Прикинь, Ворон, еще бы чуть-чуть — и все, конец!

— Помолчи! — буркнул он и устался на дороге.

Классно начался визит на родину, ничего не скажешь. Чуть не поднял на капот туземную барышню. А Дарина, дура набитая, радуется. Чему радоваться-то?! Эх, зря он ее с собой взял.

Нотариус, хилый мужичок в измятой рубашке, встретил их безо всякого официоза, как дорогих и долгожданных гостей, проводил в конференц-зал, напоил ледяной минералкой, принялся расспрашивать, как там поживает столица. Влад сказал, что

Татьяна
Корсакова

столица изменилась в худшую сторону, а вот Дарина беседу поддержала с удовольствием. Вряд ли нотариусу были так уж интересны московские светские сплетни, но слушал он ее с неусыпным вниманием, не забывая время от времени воровато коситься в вырез блузки.

Мобильник Влада снова заорал дурным голосом, напоминая, что разговор «за жизнь» так и не состоялся.

— Вы не будете возражать, если я отвечу? — Он вопросительно посмотрел на нотариуса.

— Да, конечно! Сколько угодно! — Увлеченный беседой с Дариной, тот, кажется, даже не понял, что ему сказали.

Влад усмехнулся, поднес телефон к уху, рявкнул:

— Изверг, мы уже все решили!

Оказалось, что это он все решил, а Славка Изверг, коммерсант хренов, до сих пор считает вопрос открытым и требующим незамедлительного урегулирования.

— Незамедлительно не получится. — Влад качнулся вперед-назад на стуле. — Я сейчас далеко вато от Москвы, и вообще у меня отпуск. Да, ты не ослышался — отпуск! А никто мне его не давал! Я сам его взял! А что, нужно было у кого-то разрешения спросить? Да, вот так! А ты думал, что я все время буду тебе в задницу дуть?! — Он поймал удивленный взгляд нотариуса, улыбнулся и зашептал в трубку: — Ты мне теперь, Славка, не товарищ! У тебя нынче другие товарищи имеются, попопсовее. И твои планы меня больше никаким боком не касаются!..

Дом у Чертова озера

Краем глаза Влад заметил, как открылась дверь конференц-зала, как засуетился и сорвался с места нотариус, а Дарина, до этого безмятежно улыбавшаяся, вдруг презрительно поджала губы, но к этому времени спор с Извергом достиг своего апогея, и он отвлекся от происходящего. Причем отвлекся настолько сильно, что, когда разговор был закончен по причине очевидной бесперспективности, оказалось, что место напротив занято хорошенькой брюнеткой. Длинные, блестящие волосы, смуглое лицо, зеленые глаза, тонкие запястья и блузка, до безобразия целомудренная, закрывающая не только грудь, но даже ключицы.

— А вы тоже за наследством? — Он улыбнулся незнакомке одной из своих самых обаятельных улыбок, той самой, которой очаровывал фанаток, тех, что посимпатичнее.

Удивительно, но на сидящую напротив девицу его улыбка произвела совершенно неожиданный эффект: она вдруг смертельно побледнела, даже кошачьи глаза утратили свою прозрачность, стали почти черными. Где-то он уже видел что-то похожее, когда-то очень давно...

Незнакомка, кажется, хотела что-то ответить, но в этот самый момент дверь распахнулась, пропуская в конференц-зал весьма необычную компанию. Сначала в комнату задвинулся шкафоподобный мужик с квадратной челюстью, шишковатой головой и взглядом Терминатора при исполнении. Терминатор «сфотографировал» присутствующих, многозначительно погладил болтающуюся на поя-

Татьяна
Корсакова

се кобуру и только после этого сообщил механическим голосом:

— Шеф, все чисто.

— Сам вижу, что чисто! Чай, не слепой! — Тот, кого Терминатор уважительно называл шефом, был в полтора раза ниже его ростом и раза в два шире. Над поясом его брюк колыхалось внушительное пузо, а над узлом галстука вместо шеи мелко подрагивали три гладко выбритых подбородка. Лицо вошедшего, круглое и лоснящееся как блин, показалось Владу смутно знакомым, хотя он готов был дать руку на отсечение, что раньше они не встречались.

— Вся стоянка перед вашей шарашкиной конторой заставлена какими-то тачками! Мэру города негде приткнуть свой «мерс»! — А вот этот голос Влад узнал сразу, еще до того, как увидел его хозяйку. Юлька Сивцова — никаких сомнений!

Долго ждать подтверждения его догадки не пришлось — в ту же секунду из-за широкого плеча Терминатора выдвинулась рыжая девица, пикантностью и роскошью своих форм не уступающая Дарине. Так и есть — Юлька Сивцова, бывшая Владова одноклассница и даже некоторое время — объект сердечной привязанности. А этот толстый, значит, мэр? Молодые нынче пошли мэры... И Юлька в своем репертуаре, выцарапала себе первого парня на деревне. Совсем характер не изменился, как была стервозиной, так и осталась. Правда, очень красивой стервозиной, что есть, то есть.

— Юлия Олеговна! Дорогая вы наша! — нотари-

Дом у Чертова озера

ус проворно выбрался из-за стола, сложился в холуйском поклоне едва ли не пополам, облобызал милостиво протянутую Юлькину руку. — Так нет там чужих машин! Только моя «Ауди» да джип господина Воронина, — он бросил умоляющий взгляд на Влада, явно призывая его в свидетели и заступники.

— Воронина? — Юлька посмотрела поверх плешивой головы нотариуса сначала на присутствующих в зале женщин, а уже потом на Влада. В искусно подведенных глазах зажегся огонек узнавания. — Ворон, ты, что ли?!

Как и подобает истинному джентльмену, он встал из-за стола, легонько подвинув плечом растерявшегося нотариуса, поцеловал унизанную перстнями руку и сказал весело:

— А ты совсем не изменилась. Небось до сих пор первая красавица в городе?

Холеная ручка в его ладони едва заметно дрогнула.

— Зато ты, Ворон, изменился: длинные волосы, татуировки, цепи. Слышала, в рокеры подался. — Она смотрела на него снизу вверх и одобрительно улыбалась.

— Так, я что-то не понял! Юль, что это за разговоры с незнакомыми мужиками?! — вмешался в их обмен любезностями мэр.

— Дим, да ты что, не узнал, что ли? Это же Ворон. Влад Воронин! — сказала Юлька, не отрывая восхищенного взгляда от Владовой наколки.

Татьяна
Корсакова

— Ворон?! — Мэр вдруг со всей дури врезал ему по плечу и расплылся в удивленной улыбке. — А я и в самом деле не признал. Смотрю, сидит металлист какой-то...

— Мне, конечно, очень приятно внимание городского головы, — Влад растерянно улыбнулся. — Но разве мы знакомы?

— Охренеть! Юлька, ты слышишь этого чудика? — Мэр со всеми своими подбородками и жировыми складками затрясся в приступе неуправляемого смеха. Через мгновение к нему присоединилась Сивцова. Даже Терминатор оптимистично хрюкнул. И только Влад стоял дурак дураком, ровным счетом ничего не понимая.

— Значит, не только я тебя не признал, но и ты меня! — Мэр хитро сощурился.

— Да не мучайся, Ворон, — пришла ему на помощь Юлька. — Это же Жуанов!

Жуанов?! Мама дорогая! Хоть убей, ни за что не признал бы в этом толстяке школьного приятеля, некогда худосочного Димку Жуанова. Влад всмотрелся в луноликое лицо, попытался представить, каким бы оно было без набора лишних подбородков. Ведь прошло-то всего тринадцать лет. Вон Юлька выглядит как мисс Мира, краше себя семнадцатилетней, а что же случилось с Жуаном?

— Беспредостанное радение о судьбах отечества, — Жуан словно прочел его мысли. — А еще гипертония и сахарный диабет, — добавил шепотом.

— Да, тяжело быть слугой народа, — посочувствовал Влад.

Дом у Чертова озера

— Господа! Господа! Ну что же мы стоим на пороге?! — Нотариус, почувствовавший, что гроза миновала, лучился от добродушия и гостеприимства. — Дмитрий Петрович, дорогой вы наш, прошу за стол! — Он суетливо отодвинул для мэра кресло, согнулся в три погибели, ожидая, пока Жуанов втиснет в него свой немалый зад, рядом приставил стул для Юльки. — Юлия Олеговна, будьте так любезны!

Сивцова подмигнула Владу, грациозно уселась рядом с Жуаном — ну прям царственная чета. Терминатор бестолково закружился по конференц-залу, видимо, его программы не хватало на то, чтобы определиться с оптимальным местоположением.

— Васек, за дверью подожди! — рявкнул Жуан и тут же виновато улыбнулся сначала Дарине, потом черноволосой незнакомке.

Дарина весьма благосклонно улыбнулась в ответ. То ли волшебное слово «мэр» произвело на нее благоприятное впечатление, то ли просто решила наказать Влада за излишнее внимание к Сивцовой. Незнакомка не улыбалась: сидела, скрестив руки на груди, смотрела не на Жуана, а сквозь него. Неужели не впечатлилась вниманием городского головы? Занятная девица, очень занятная.

Нотариус тем временем пристроился по правую руку от Жуанова, раскрыл кожаную папку, сказал торжественно:

— Ну-с, господа, с вашего позволения я начну.

— Давно пора, — фыркнула Дарина и поерзала на не слишком удобном стуле, — а то устроили тут хороводы.

Татьяна
Корсакова

Нотариус испуганно закашлялся, Жуан снисходительно улыбнулся, Юлька многозначительно выгнула бровь, и только загадочная незнакомка вообще никак не отреагировала. Может быть, оттого, что сама не принимала участия в «хороводах».

— Прошу простить мою спутницу, — процедил Влад и больно сжал руку Дарины. — Она очень устала. Полдня в дороге.

— Пустое, — отмахнулся Жуан. — Такой красивой женщине позволительны любые капризы.

— Может быть, все-таки приступим к делу? — спросила Юлька и посмотрела на Жуана очень многозначительно.

— Ну конечно, дорогая! — Тот нервно поправил узел галстука.

— Так я начинаю? — робко поинтересовался нотариус.

— Начинайте, — разрешила мадам Жуанова.

Вениамин Ильич сделал глубокий вдох, откашлялся и начал официальным тоном:

— Господа, мы собрались здесь для оглашения воли Поклонского Леонида Владимировича. Являясь его душеприказчиком, я имею честь...

— Короче! — Жуан нетерпеливо глянул на наручные часы. — Давайте оставим формальности и сразу перейдем к делу. Ну, чем там нас осчастливил гражданин Поклонский?

Влад, отвлекшийся на недовольное нытье Дарины, наострил уши, а нотариус едва заметно поморщился, но тут же расплылся в улыбке:

— Все очень просто. Волей усопшего все его

Дом у Чертова озера

движимое и недвижимое имущество делится между тремя наследниками.

Жуанов бросил быстрый взгляд сначала на брюнетку, которая за все время не проронила ни слова, потом на Влада и только после этого кивнул:

— Продолжайте, Вениамин Ильич. Так что там нам троим причитается?

Нотариус сделал драматическую паузу и сообщил:

— По триста тысяч долларов каждому, загородный дом и земельный участок у Чертова озера в равных долях.

После этих слов в конференц-зале повисла звенящая тишина. Все как один уставились на нотариуса. Даже Дарина перестала рассматривать свой многотрадальный ноготь и застыла с открытым ртом.

Первой пришла в себя Юлька:

— Вы сказали — по триста тысяч долларов? Я не ослышалась?

— Вы не ослышались, Юлия Олеговна. По триста тысяч долларов и равные доли во владении домом у Чертова озера.

— Это каким таким домом? — спросил Влад.

Сколько он себя помнил, на берегу Чертова озера не было никаких жилых построек. Только старый дом — двухэтажная громадина из почерневшего от времени камня, настолько бесперспективная, что за почти трехсотлетнюю историю ей не смог сыскаться хозяин. И вот сейчас им предлагают стать его владельцем. Конечно, триста тысяч «зеле-

Татьяна
Корсакова

ных» — это хорошо и даже великолепно, но от такой сомнительной собственности он, пожалуй, откажется. Тем более что со старым домом у него связаны не самые приятные воспоминания.

— Тем самым домом, — подтвердила его догадку Юлька.

— Не думал, что у этой развалины вообще есть хозяин.

— Развалины?! — нотариус удивленно округлил глаза. — Господин Воронин, а вы уверены, что мы говорим об одном и том же строении?

— Я вырос в этом городе. Думаете, я не знаю, что представляет собой дом у Чертова озера?

— А позвольте узнать, когда в последний раз вы навещали в родные пенаты?

Влад точно знал когда — пять лет назад, когда после смерти отца забирает маму в Москву. Но тот визит и визитом-то назвать нельзя — вечером приехал, утром следующего дня уехал.

— Давненько не навещался, — сказал он.

— Вот оно и видно, что давненько, — нотариус поднял вверх указательный палец. — По нынешним временам дом у Чертова озера — весьма завидная недвижимость.

— Это правда? — Влад посмотрел на Жуана.

— Да, — тот кивнул, — дом уже три года как реставрирован и, говорят, стоит дурных денег.

— К тому же не забывайте о стоимости земли, — поддакнул нотариус.

— А вот земля там копеечная, — вмешалась в разговор Юлька. — Дом находится за чертой города,

Дом у Чертова озера

инфраструктуры никакой. Так что, уважаемый Вениамин Ильич, не вводите нас в заблуждение.

После этой отповеди нотариус поник и даже съежился.

— А кто он вообще такой — этот Поклонский? — спросил Влад.

— Старый пердун, — Жуан поскреб все три своих подбородка. — Приехал в город пару лет назад вроде как из-за границы. Выкупил у Чертова озера участок земли и заброшенный дом. Все думали, что он эту халабуду снести собирается, а он взял и отстроил заново. Да не просто отстроил, а восстановил с соблюдением исторической точности. Архитектора из Москвы привез, какие-то старые планы в местном архиве раздобыл, бригаду строителей выписал черт знает откуда. Нет бы нашим местным мужикам работу дать. Небось справились бы не хуже заезжих мастеров! — Жуан даже покраснел от обиды за электорат.

— А заезжие мастера-то оказались не такими уж хорошими специалистами, — поддакнул нотариус. — Техники безопасности не соблюдали. За полгода работы два несчастных случая с летальным исходом. Да и текучка кадров была такая, что ой-ей-ей.

— Это все только слухи, — отмахнулась Юлька.

— Но в городе говорили...

— В городе каждый день что-нибудь да говорят, и вам, Вениамин Ильич, стыдно распространять слухи.

Татьяна
Корсакова

Влад покачался туда-сюда на стуле — дурная привычка, оставшаяся еще с институтских времен, — и сказал:

— Ладно, все это, безусловно, очень интересно, но хотелось бы наконец узнать, за какие такие заслуги господин Поклонский решил осчастливить именно нас троих. Не припомню, чтобы у меня был родственник по фамилии Поклонский.

— Ну почему же сразу родственник? — Нотариус развел руками.

— Потому что, как правило, такое внушительное наследство оставляют близким людям.

— Вот именно что как правило, господин Воронин! Но из правил бывают исключения.

— Все равно странно.

— Так старик и был странным, — усмехнулась Юлька. — Городской сумасшедший, только очень богатый. Скажите, Вениамин Ильич, а когда наследники смогут вступить в права наследования и осмотреть дом?

— Видите ли, любезная Юлия Олеговна, — носовым платком нотариус промокнул выступивший на лбу пот, — имеется одно маленькое условие.

— Какое еще условие?! — Жуанов в нетерпении подался вперед.

— Позвольте мне все-таки огласить завещание.

По мнению Влада, сделать это надо было с самого начала. Возможно, множество лишних вопросов отпало бы само собой, но Жуан всегда отличался нетерпением и темпераментностью, и они полчаса переливали из пустого в порожнее, вместо того

Дом у Чертова озера

чтобы просто ознакомиться с последней волей усопшего.

— Оглашайте, бог с вами! — Жуан откинулся на спинку кресла, скрестил руки на пузе, приготовился слушать.

Влад тоже приготовился.

Огласить завещание от начала до конца не удалось... Нотариус только-только вошел в голос и приступил к перечислению наследников:

— Жуанов Дмитрий Петрович, 1979 года рождения, Воронин Владислав Сергеевич, 1979 года рождения, Савельева Варвара Александровна, 1980 года ро...

— Что?! — прервала его речитатив Юлька.

Нотариус испуганно вздрогнул, спросил:

— Юлия Олеговна, что-то случилось?

— Вы сказали, что одной из наследников является Варвара Савельева!

— Да, так написано в завещании.

— И где же она в таком случае?

— Кто?

— Варвара Савельева!

— Я здесь, — послышался негромкий голос.

Все разом, и Влад в том числе, посмотрели на брюнетку.

— Варька?! — Сивцова удивленно захлопала ресницами.

— Савельева, ты?! — Жуан даже попытался встать с кресла, но тут же плюхнулся обратно, сказал восхищенно: — Ну ты, мать, даешь!

Татьяна
Корсакова

— Привет, — Влад смотрел на брюнетку во все глаза. Человек, конечно, может измениться, но не до такой же степени...

* * *

Они смотрели на нее как на инопланетянку. Особенно этот... Ворон. Да, она очень изменилась. Возможно, даже сильнее, чем Жуан, но не до неузнаваемости же!

Нет, Варя не было неуютно под их взглядами — прошли те времена. Просто странно, что они отреагировали так бурно. И Ворон не узнал... А ведь мог бы, он же единственный застал те перемены, которые начали происходить с ней тринадцать лет назад. Он же сам послужил катализатором...

— Каким ветром тебя сюда занесло, Савельева? — Юлька пришла в себя первой.

— Тем же, что и остальных, — Варя улыбнулась. — Меня пригласил Вениамин Ильич.

— Да-да, все именно так и было. — Нотариус, уловив флюиды надвигающейся бури, испуганно закивал головой.

— То есть ты одна из трех наследников? — спросил Жуан и нервно обмахнулся галстуком.

— Выходит, что так.

— А за какие заслуги?

Она пожала плечами:

— Вероятно, за те же, что и вы, господин мэр.

— Ой, вот только не надо этого официоза, Варвара! — Круглая жуановская морда расплылась в

Дом у Чертова озера

широкой улыбке. — Мы же свои люди, можем по-свойски.

— Хорошо, — она кивнула. — По-свойски так по-свойски.

— В таком случае позволь полюбопытствовать, — сказал Жуан вкрадчиво, — ты уже решила, что станешь делать со своей долей дома?

— Решила.

— Ой, как интересно! И что именно?

— Я продам ее сразу, как только представится такая возможность.

Ей ни к чему вести подковерные игры. И этот чертов дом ей тоже ни к чему. Даже если ей не удастся продать свою долю, то она откажется от него не задумываясь. Денег, которых оставил ей неизвестный благодетель, хватит, чтобы купить квартиру в Москве и раз и навсегда решить свой жилищный вопрос.

— Господа, одну секундочку! — сказал нотариус упавшим голосом.

— Что еще? — нахмурился Жуанов.

— Я об условии, оговоренном в завещании.

— Ну, и что там за условие?

— Дело в том, что вступить в права наследования вы сможете только спустя шесть дней, а до этого момента вы обязаны жить в доме, так сказать, на правах гостей.

— Обязаны? — мрачно уточнил Жуан.

— Таково условие завещателя, — зачастил нотариус. — Вот здесь черным по белому написано, что наследники должны провести в доме шесть ночей.

Татьяна
Корсакова

— Именно ночей и именно шесть? — усмехнулся Ворон. — Этот ваш городской сумасшедший, как я посмотрю, был склонен к мистицизму.

Вениамин Ильич беспомощно развел руками:

— Я всего лишь оглашаю волю усопшего. Господин Поклонский считал, что до момента вступления в права наследники должны познакомиться с домом и понравиться ему.

— Так уж и понравиться? — хмыкнул Жуан.

— Скажите, а что случится, если воля господина Поклонского будет нарушена? — спросила Сивцова.

— Претендент лишится своей доли наследства, — горестно вздохнул нотариус.

— И кому достанется эта доля?

— Она будет поделена между оставшимися наследниками.

— А если воля будет нарушена по уважительной причине?

— Любая причина считается неуважительной.

— Любопытно, — Ворон обвел присутствующих веселым взглядом, — а каким образом будет отслеживаться исполнение этого условия? К нам приставят наблюдателей с секундомером?

— Нет, господин Воронин, такие крайние меры не нужны. — Нотариус позволил себе робкую улыбку. — Просто на протяжении указанных шести дней ровно в полночь всем наследникам надлежит собираться в обеденном зале дома. Отсутствующий автоматически исключается из завещания.

Дом у Чертова озера

— А что, если условия нарушат все три претендента?

— В этом случае в доме у Чертова озера будет организован краеведческий музей и все средства господина Поклонского пойдут на его содержание и благоустройство.

— Очень патриотично. — Ворон перестал раскачиваться на стуле, посмотрел на Жуана: — В любом случае ты выиграешь. Если не удастся улучшить собственное благосостояние, то получится улучшить благосостояние родного города. Краеведческий музей с бюджетом почти в миллион долларов — это что-то!

— Не каркай, Ворон. — Жуан растянул тонкие губы в улыбке. — Все будет хорошо. Меня больше волнует другой вопрос. Днем-то хоть можно будет выходить из этого дома? В конце концов, я себе не принадлежу.

— Конечно, Дмитрий Петрович! — Нотариус радостно закивал. — Днем вы вольны делать все, что пожелаете.

— А как насчет гостей? — Юлька, царственным жестом заправив за ухо рыжую прядь, бросила пренебрежительный взгляд на силиконовую девицу, с которой приперся Ворон.

Девушка ответила точно таким же взглядом, оскорбленно надула губы. Кажется, она хотела что-то сказать, но Ворон не дал ей такой возможности, предупредительно сжал руку.

— О гостях в завещании не сказано ни слова.

Татьяна
Корсакова

— То есть что не запрещено, разрешено? Я правильно понимаю.

— Совершенно верно.

— Вот и хорошо. — Сивцова погладила Жуана по руке. — Милый, ты же не станешь возражать, если я поживу с тобой в этом загадочном доме?

— Ну конечно, дорогая! — Жуан улыбнулся жене и бросил вороватый взгляд на вороновскую блондинку.

Варя усмехнулась, вот ведь похотливый козел! Одной Сивцовой ему явно мало. Интересно, а Ворон заметил, как друг детства пялится на его подружку? Впрочем, ей-то самой какое дело?! Она здесь исключительно из-за завещания, а на остальных плевать. Кажется, перед ней стоит проблема куда более серьезная, чем Жуан, Сивцова и Ворон, вместе взятые. Ей предстоит почти неделю прожить в доме у Чертова озера...

* * *

...Отец не появлялся дома уже третьи сутки. Значит, снова сорвался.

Вообще-то отец у Вари был хороший, добрый и душевный, но запойный. Он начал пить почти сразу же после смерти Вариной мамы, шестнадцать лет назад. Сначала по чуть-чуть: стопка днем, чтобы забыться, стопка на ночь, чтобы уснуть. Наверное, в самые первые дни это было оправданно. Потерять любимую жену, остаться с годовалой дочкой на руках — испытание не из легких. Даже тетя Тоня, его

Дом у Чертова озера

родная сестра, приехавшая из Зеленограда поддерживать брата и присмотреть за малышкой, поначалу не видела ничего плохого в этих двух стопках. У каждого свой способ бороться с бедой. Конечно, выпивка — не самый лучший выход, но так ведь это же ненадолго. На месяц, максимум два. А потом время возьмет свое, перемелет душевную боль в воспоминания. Сашенька мужчина молодой, видный, с золотыми руками. Такой без женской ласки не останется, а там, глядишь, и Варя мамочка найдется.

Отец перестал пить на сорок первый день после маминой смерти, сказал твердо:

— Мне еще Варьку на ноги поднимать.

И тетя Тоня с легким сердцем уехала обратно в Зеленоград.

Папа продержался три года. Сама Варя этого, конечно, не помнила. Просто соседи рассказывали, каким молодцом он был, как хорошо за ней ухаживал, получше, чем некоторые мамыши. И женщины на него засматривались, да не абы какие, а очень даже положительные: школьная учительница, библиотекарша и, кажется, даже заведующая универсамом.

Ну что не жить мужику?! Ведь никто бы не осудил, все же понимают, что дело молодое и без женщины одному с малым дитем на руках никак нельзя. А отец оказался из редкой породы однолюбов, не нужны ему были ни учительница, ни библиотекарша, ни даже заведующая универсамом. Только Варина мама, а она умерла от странной, непонят-

Татьяна
Корсакова

ной болезни, сгорела за месяц, истаяла как свечка. Вот он опять и запил.

Люди шептались про злой рок и проклятье, говорили, что все женщины в мамином роду умирали почти сразу после рождения первенца, и первенцем — вот ведь что удивительно! — всегда оказывалась девочка. Злой рок, не иначе.

Да что там люди?! Отец и сам верил в злой рок. Варя помнила, как он брал ее к себе на колени, гладил по голове и говорил, что мамочку забрала черная кошка. Варя никак не могла понять, как какая-то обыкновенная кошка могла забрать с собой мамочку, а отец пояснял, что та кошка особенная, что в ней живет душа Черной дамы, и что эта Черная дама не успокоится, пока не изведет весь их род под корень, но он не позволит и обязательно найдет способ защитить свою малышку от всякой нечисти. Надо только хорошенько подумать, во всем разобраться.

Разговор про Черную даму повторялся из года в год, в основном в те дни, когда отец был навеселе, и с каждым разом обрастал все новыми удивительными подробностями. Когда Варя была маленькой, она воспринимала рассказ отца как страшную сказку, боялась засыпать без света, шарахалась от черных кошек и кричала по ночам от кошмаров.

Сон ей снился всегда один и тот же: страшная женщина в рубище с растрепанными седыми волосами и горящими зеленым светом глазами. Каждый раз во сне Варя спрашивала незнакомку, что же ей нужно, но та никогда не отвечала, только смотрела

Дом у Чертова озера

и смотрела, а под утро, на зыбкой грани между сном и пробуждением, оборачивалась черной кошкой и прыгала Варе на грудь. Варя просыпалась от собственного крика, а еще оттого, что в легких не оставалось ни капельки воздуха, и дышать было больно, и казалось, что она сейчас умрет. Прибежал отец, хватал ее на руки, распахивал настежь окно и уговаривал чуточку потерпеть, обещал, что приступ — он называл то, что творилось с Варей, этим странным словом «приступ» — скоро пройдет. Чаще всего так и случалось, но однажды Варя потеряла сознание, и отцу пришлось вызывать «Скорую».

Тетенька-врач из «Скорой» вколола задыхающейся Варе что-то в вену. Было страшно и больно, но дышать сразу стало легче. А потом тетенька-врач сказала, что приступ очень похож на астматический — еще одно непонятное слово — и Варю нужно обязательно обследовать. Папа тогда так испугался, что не пил целых два месяца, и вызванная из Зеленограда тетя Тоня не заподозрила неладного. В то время папа еще не был запойным, работу не прогуливал, хозяйство не запускал, с соседями не ссорился, а к бутылке прикладывался только дома, сидя в обнимку с маминой фотографией.

Тетя Тоня забрала Варю с собой в Зеленоград, сказала, что ребенка нужно обследовать в хорошей больнице, что девочка уж больно худенькая для своих шести лет, может, там и еще какие проблемы имеются, не приведи господь.

В Зеленограде диагноз доктора со «Скорой помощи» подтвердился. У Вари обнаружили бронхи-

Татьяна
Корсакова

альную астму и аллергию на кошачью шерсть, выписали какие-то таблетки и странную штуку под названием «ингалятор», лекарством из которого нужно было дышать во время приступа. Варя пробыла в гостях у тети целое лето. За все это время у нее не случилось ни одного приступа и, что самое главное, Черная дама ей больше не снилась. Она уже начала надеяться, что и болезнь, и кошмары ушли навсегда, но стоило только вернуться в родной город, как все началось сначала: и ингалятор стал вещью жизненно необходимой, с которой Варя не расставалась ни на минуту, и Черная дама продолжала преследовать ее во снах.

К тому времени, когда Варя перешла в девятый класс, папа стал уже запойным. Теперь он пил не так, по большей части не дома, а где-то в городе с «друзьями». И с работы его уволили. Три года закрывали глаза на его бесконечные пьянки — жалели. А потом по вине отца случилась авария, и жалеть его сразу перестали. Неделю после увольнения папа пил беспробудно, не обращая внимания ни на Варины уговоры, ни на слезы. Он пришел в себя только тогда, когда у нее случился жуткий приступ астмы и ее забрала «Скорая». Вечером того же дня он явился к ней в больницу, помятый, измотанный, но тщательно выбритый и трезвый, как стеклышко. Отец просил дать ему второй шанс, обещал завязать с выпивкой и взяться за ум. Вообще-то шанс этот был не второй и даже не третий, но Варе хотелось верить. Она любила отца и знала, что он ее тоже любит.

Дом у Чертова озера

Намного дольше, чем Варю, пришлось уговаривать районного участкового и строгую тетеньку из социальной службы. Тетенька считала, что Варю следует немедленно оформить в детский дом и тем самым «оградить неокрепшую детскую душу от тлетворного влияния такого морально неустойчивого и неуклонно деградирующего типа, как ее отец». А участковый просто поговорил с папой по-мужски и убедил, что если тот не прекратит безобразничать, то дочка ему не видать как своих ушей. Наверное, в папе еще оставалось что-то от себя прежнего, ответственного и со всех сторон положительного, а может быть, подействовали угрозы. Во всяком случае, отцу удалось продержаться почти год, до Вариного шестнадцатилетия...

Тетя Тоня приехала накануне ее дня рождения, привезла много вкусностей и ворох красивой одежды для Вари.

— Варвара, ты уже большая и должна одеваться как настоящая леди.

У тети Тони был хороший глазомер и отличный вкус. Все ее подарки приходились Варе впору и смотрелись умопомрачительно, настолько умопомрачительно, что Варя не отваживалась их надевать...

В тот памятный день, помимо одежды, у тети Тони нашелся для нее еще один удивительный подарок. Золотой медальон в виде остроухой кошачьей мордочки на цепочке затейливого плетения. Вместо глаз у кошки были искрящиеся зеленые камешки.

Татьяна
Корсакова

— Это мне? — Медальон был таким красивым, что Варя не решалась взять его в руки.

— Тебе, Варвара, — грустно улыбнулась тетя.

— А откуда он?

— Этот медальон — фамильная драгоценность. Твоя покойная мама рассказывала, что он передается из поколения в поколение более трех веков. От матери к дочери.

— Трех веков?!

— Да, она так говорила.

Медальон и в самом деле казался не новоделом, а старинным украшением. Металл на ощупь был теплым и, казалось, светился изнутри.

— Очень красиво. Можно мне его надеть?

— Да, твоя мама, когда заболела, передала медальон мне на хранение, велела отдать его тебе в день твоего шестнадцатилетия. Теперь, Варвара, он твой. Надеюсь, он принесет тебе счастье.

— Спасибо, тетя Тоня! — Варя повисла у тети на шее. — Спасибо тебе большое!

— Мне-то за что? Считай, что это подарок от твоей мамы.

Отец вернулся с работы вечером. Варя с тетей Тоней к тому времени уже накрыли праздничный стол.

— Что это?!

Варя еще не успела ничего рассказать про подарок. Папа увидел все сам и побледнел так сильно, что она испугалась, что ему станет плохо.

— Папа, это...

Дом у Чертова озера

— Я спрашиваю, что это?! — Отец смотрел теперь только на тетю Тоню.

— Это подарок, — та обняла Варю за плечи.

— Я же велел тебе избавиться от этой мерзости! Сжечь! Утопить! Зарыть в землю!

— А твоя покойная жена просила передать его Варе. Саша, я не понимаю, почему ты злишься? Посмотри, какая красивая вещь, и девочке она к лицу.

— Дьявольская игрушка! — Отец рухнул на стул, сжал виски руками. — Это она убила Анну.

— Саша, не говори глупостей! — прикрикнула тетя Тоня. — Анечку никто не убивал. Это болезнь, трагическая случайность, и украшение тут совершенно ни при чем.

— Доча, — отец с мольбой посмотрел на Варю, — умоляю — сними это!

Она любила своего отца, старалась ничем его не расстраивать и слушалась его беспрекословно, но сейчас все внутри нее воспротивилось этой просьбе. Снять медальон, который триста лет принадлежал женщинам ее рода?! Ни за что! И мама хотела, чтобы она его носила. Медальон нагрелся чуть сильнее и, кажется, даже заурчал, одобряя ее решение.

— Ты должна его снять! — Отец встал из-за стола, в его голосе послышалась угроза: — Сними его немедленно!

Варя накрыла медальон ладонью, испуганно попятилась. На какое-то мгновение ей показалось, что отец ее ударит, но он лишь обреченно покачал головой, сказал, глядя прямо перед собой:

— Все как всегда. Я не в силах это остановить.

Татьяна
Корсакова

День рождения получился безрадостным. Тетя Тоня пыталась восстановить мир, но получалось у нее не слишком хорошо. Отец молчал и о чем-то сосредоточенно думал, а Варю обуревали два противоречивых чувства: радость из-за обладания медальоном и вина перед отцом.

Тетя Тоня уехала на следующее утро, а вечером папа не вернулся домой ночевать. Варя знала, что это может означать: отец сорвался, в который уже раз ушел в запой. Его не будет два или три дня, может, даже неделю, а потом он вернется, грязный, дурно пахнувший, с глазами несчастными и просительными, как у побитого пса. И с ним надо будет возиться, точно с младенцем: уговаривать сначала помыться, потом переодеться, потом покушать и лечь спать. А ночью папа непременно проснется и станет проверять, хорошо ли заперты окна и двери или, того хуже, гонять по дому невидимых черных кошек.

Вот так, для кого-то вестниками белой горячки были зеленые черти, а для Вариного папы — черные кошки. Таких моментов она боялась больше всего, запиралась в своей комнате, с головой накрывалась одеялом и молила бога, чтобы отец побыстрее угомонился, а соседи не вызвали милицию. Она очень хорошо запомнила подозрительно-осуждающий взгляд тетеньки из соцслужбы и угрозы участкового, поэтому старалась не выносить сор из избы, в школе никому и никогда не жаловалась на отца, в доме поддерживала такой иде-

Дом у Чертова озера

альный порядок, что ни одна строгая тетенька из соцслужб не смогла бы придаться.

Варя делала все возможное и невозможное, а отец продолжал пить и ловить по ночам невидимых черных кошек...

* * *

Старый Новый год пришелся на выходные, и Жуан предложил отметить это дело. А что? Старый Новый год — не самый плохой повод для вечеринки. К тому же родители Жуана свалили на три дня в Москву к родственникам.

Гулять решили по-взрослому: с выпивкой, сигаретами и девчонками. Если с первым и вторым пунктами особых проблем не возникло, то с девчонками случился напряг. Все они: и Влад, и Жуан, и даже Лешка Саморуков, из-за тяги к физике и изобретательству прозванный Эйнштейном, — сходились во мнении, что на вечеринку нужно обязательно пригласить Юльку Сивцову, первую красавицу школы, кокетку и разбивательницу мужских сердец. Именно из-за этого единодушия и возникли проблемы. Они все трое втайне были влюблены в Сивцову, поэтому рассматривать остальные кандидатуры никому не хотелось.

— Одна она не согласится, — сказал Лешка Эйнштейн и глубоко затянулся сигаретой.

— Значит, нужно пригласить еще какую-нибудь телку, — резонно заметил Жуан, любясь новеньки-

Татьяна
Корсакова

ми наручными часами, новогодним подарком родителей.

— Какую? — спросил Влад, стараясь не смотреть на запястье Жуана. Уж больно клевыми были часы: стальной корпус, автоподзавод, изумительная зеленая подсветка и даже будильник. Конечно, жуановский батяня — председатель горисполкома — постоянно мотается по столицам и заграницам. Для него купить единственному сыну такие часики — сущий пустяк. Мысли эти были суетными и мелкими, недостойными настоящего мужчины, вот Влад и старался не смотреть на часы, чтобы лишний раз не поддаваться соблазну.

— А пусть Юлька сама решит, кого из девчонок позвать, — предложил Эйнштейн. — Какая нам разница, кого она с собой притащит?

— Золотые слова, Леха! — Жуан одобрительно похлопал приятеля по плечу. — Сразу чувствуется рационализаторская мысль. Ну что, пошли?

— Куда? — Эйнштейн загасил сигарету.

— К Юльке, на вечеринку ее звать.

Дверь им открыли не сразу, к тому же не Юлька, а Варька Савельева, отличница, тихоня и вообще личность серая и ничем не примечательная.

— Вам чего? — спросила она не слишком приветливо.

— Вообще-то мы к Сивцовой, а ты что тут делаешь? — Жуан окинул ее удивленным взглядом.

Простой вопрос привел Савельеву в полное за-

Дом у Чертова озера

мешательство: она покрылась нездоровой бледностью, со свистом втянула в себя воздух и попыталась захлопнуть двери прямо перед их носами.

— Эй, чокнутая! — Жуан дернул дверь на себя. — Ты чего?! Ну-ка, Юльку нам позови!

Юльку звать не пришлось, она уже нарисовалась за спиной у Савельевой.

— И что это за делегация? — спросила Юля тоном потревоженной королевы.

— Да мы тут это, — заблеял было Эйнштейн, но Жуан не дал ему договорить:

— Юль, мы к тебе по делу.

— Ну? — Она слегка выгнула бровь и сразу же стала похожа на удивленную королеву.

— Может, в дом вступишь? — Жуан был тоже не лыком шит и собственного достоинства не терял.

— Проходите, — Юлька небрежно дернула плечом, сказала, теперь уже Савельевой: — Варь, вступи их и свари нам, пожалуйста, кофе.

Савельева побледнела еще сильнее, молча кивнула, исчезла на кухне.

— Что это было? — спросил Жуан, снимая дубленку.

— Ты о Варьке? Да так, ничего особенного. Просто моя матушка, добрая душа, привыкла опекать всяких... убогих, — Юлька снисходительно улыбнулась, — вот и наняла Савельеву, чтобы та помогала по хозяйству. Ну там, подай-принеси, пыль смахни, кофе свари.

— Да, матушка у тебя меценатка, как я посмотрю. — Жуан сбросил ботинки, покосился на за-

Татьяна
Корсакова

крытую дверь кухни. — Моя бы так никогда не по-
ступила.

— Ну ты же знаешь, какая у Савельевой ситуа-
ция, — Юлька вздохнула. — Отец пьет беспробудно,
денег в дом не приносит, вот мама и подумала, что
надо человеку помочь.

Влад поморщился. Оно вроде и правильно, лю-
ди должны друг другу помогать, но не так... демон-
стративно, что ли. И вообще, двадцатый век на дво-
ре, а тут барство какое-то. Мама Влада всегда гово-
рила, что человеческое достоинство унижать
нельзя, что это бездушно и мерзко...

— Ворон, а ты чего не раздеваешься? — спроси-
ла Юлька и улыбнулась так, что он тут же думать за-
был про всякое там человеческое достоинство и
принялся торопливо стаскивать с себя куртку.

Они расположились в гостиной: Влад, Эйн-
штейн и Жуан на диване, а Юлька, как и полагается
королеве, в роскошном кресле напротив.

— Варь! — позвала она. — Варя, ну как там кофе?

— Уже скоро, — послышалось из кухни.

— Вот ведь неумеха, — Юлька снисходительно
улыбнулась. — Кофеварка же есть, а она все возится.

Не успела она договорить, как на пороге гости-
ной нарисовалась Савельева с подносом в руках.

— Расторопнее надо быть, — сказал Жуан с уко-
ризной.

Варька метнула в него острый, как бритва,
взгляд, но промолчала. Серая личность, что с нее
взять? Ее пинают, а она молчит.

Дом у Чертова озера

— А сливки где? — не унимался Жуан. — Я при-
вык пить кофе со сливками.

Савельева бухнула поднос на журнальный сто-
лик, выбежала из комнаты. Влад подумал, что она
обиделась, но через минуту Варька вернулась с
фарфоровым молочником в руках.

— Расторопная, — похвалил Жуан. — Ну, налей.

И снова этот быстрый взгляд исподлобья. Ка-
жется, заметил его только Влад, Жуан и Эйнштейн
оказались увлечены беседой с Юлькой.

Журнальный столик был широкий, и тянуться с
молочником к чашке Жуана было неудобно, так
что в том, что Варька вылила все сливки прямо ему
на штаны, не было бы ничего удивительного, если
бы не предшествующий этому происшествию
взгляд. Но Влад мог поклясться чем угодно, что она
сделала это специально. Значит, не такая уж она се-
рая, не такая уж бесхребетная.

Жуан разразился возмущенными воплями, по-
пытался дотянуться до Савельевой, но та проворно
отпрыгнула в сторону, сказала виновато:

— Извини, Дима, я нечаянно.

— Нечаянно она! Корова безрукая! — Он схва-
тил со стола салфетку, принялся тереть ею брюки.

— Жуанов, не ори! Ты не у себя дома, — сказала
Юлька строго. — И вообще, мог бы и сам себе слив-
ки налить.

— Сам?! А на кой хрен тогда нужна эта прислу-
га?! — Жуан чуть не плакал над своими испачкан-
ными брюками.

Татьяна
Корсакова

— А кто тут говорил о прислуге? — делано удивилась Юлька. — Варя не прислуга, она просто помогает по хозяйству. Варь, — она посмотрела на стоящую в отдалении Савельеву, — а почему ты себе кофе не налила?

— Потому что она дура набитая! — рявкнул Жуан.

— Юль, я домой пойду, — Савельева спрятала руки за спину, — а то поздно уже.

— Ничего не поздно, посиди. Кто-нибудь из парней тебя потом проводит, — Юлька обвела их компанию требовательным взглядом.

— Не стану я эту безрукую провожать, — буркнул Жуан. — И вообще, у меня штаны мокрые.

— А у меня через полчаса репетитор по физике, — сообщил Эйнштейн.

— Я провожу, — предложил Влад. — Мне как раз по пути.

И вовсе ему было не по пути, у него на этот вечер имелись совсем другие планы, но мама всегда говорила, что унижать человеческое достоинство нельзя, что слабым — Юлька называла их сирыми и убогими — надо помогать.

После такого заявления присутствующие воззрились на него с неммым удивлением. Даже Жуан перестал причитать над своими штанами.

— Я сама, — сказала Савельева и покраснела. — Не надо меня провожать.

— А что так? — поинтересовалась Юлька, нервно поигрывая серебряной ложечкой. — Не стоит отказываться от такого заманчивого предложения.

— Вот именно, — отмер Жуан. — Второго раза

Дом у Чертова озера

может и не быть. Так что лови момент! Будет потом о чем вспомнить на старости лет. — Он заржал и подмигнул Владу.

— Ладно, Савельева, не парься, — сказал тот зло. — Я провожу. Не о чем тут спорить. Да ты садись, не стой столбом.

Какое-то мгновение она колебалась, а потом решила — села в свободное кресло, с вызовом вздернула подбородок. Теперь у них получалось сразу две королевы, и надо было еще очень сильно подумать, которая из них настоящая. Если судить по одежде, то, безусловно, Сивцова, а если принимать во внимание осанку и взгляд, то Влад бы поставил на Савельеву. И ничего она не серая, просто старается казаться серой...

— Ну, так с каким делом вы ко мне пожаловали? — Юлька заправила за ухо рыжую прядь, забросила ногу за ногу, и сразу стало ясно, что вот она, единственная королева, а прочие мысли — это крамола.

— Мы насчет старого Нового года, — Жуан приосанился. — Мои предки на все выходные укатили в Москву.

— Ну и?..

— Ну и хата будет в полном нашем распоряжении, можем устроить сейшн.

— Сейшн? — Сивцова нахмурилась. — Надо подумать.

— Подумай, Юленька, подумай. Вечеринка, как в лучших домах Парижа: с фейерверком, бильярдом, мартини и танцами до упаду.

Татьяна
Корсакова

— Мартини?

— Да, все, как ты любишь. Соглашайся!

— А кто будет?

— Ну, все как обычно: я, Эйнштейн, Ворон.

— А из девушек кто?

— Из девушек ты.

— Я и?.. — Юлька рассеянно покачала обутой в красный шлепанец ножкой.

— А это ты сама решишь, — сказал Жуан и бросил на Влада заговорщицкий взгляд.

— Значит, сама? — Сивцова кивнула. — Ну что же, я хочу, чтобы со мной пошла Варя.

— Эта? — разочарованно протянул Жуан, разглядывая пятно на своих брюках.

— Да, а что тут такого? — Юлька посмотрела на Савельеву: — Варя, ты когда-нибудь пила мартини?

— Я не пойду, — отрезала та и уставилась на свои сцепленные в замок руки.

— Вот видишь? — оживился Жуан. — Давай возьмем кого-нибудь другого. Того, кто знает толк в мартини.

— Жуан! — Юлька ударила кулачком по подлокотнику кресла. — Ты только что сказал, что я могу сама решать. Все, я решила: на вечеринку со мной пойдет Варя.

— Я не пойду, — повторила Савельева.

Юлька вздохнула и ласково пропела:

— Мальчики, вы пока допивайте кофе, а мы с Варей посекретничаем. Идем, Савельева, разговор есть.

Савельева поднялась с кресла, как показалось

Дом у Чертова озера

Владу, с большой неохотой, побрела вслед за Юлькой на кухню.

— Приплыли! — сказал Жуан зло. — Теперь придется еще и эту крокодилицу развлекать.

— А ты не развлекай, — посоветовал Влад. — Она не маленькая, сама себя как-нибудь развлечет.

— А что, пацаны, это даже прикольно, — перешел на шепот Эйнштейн. — Кто-нибудь из вас видел Савельеву пьяной?

Жуан понимающе кивнул, мстительно зашептал:

— Я этой дуре косорукой еще покажу. Она у меня еще поплачет. Ворон, а ты чего молчишь?

— А что говорить? — огрызнулся Влад.

— Ну ты как, идею одобряешь?

Вообще-то он не одобрял, но сейчас время такое — каждый сам за себя. И если Савельева даст себя упоить, значит, она полная дура. Он бы на ее месте вообще никуда не пошел с такими-то «друзьями». Ответить Влад не успел, в гостиную вернулись девушки. Савельева была мрачнее тучи, а Юлька, наоборот, сияла как начищенный пятак.

— Все, мальчики, мы согласны! — сообщила она. — Жуан, в котором часу начинаем?

— Думаю, часиков в семь. Тебя с ночевкой отпустят?

— Скажу предкам, что останусь ночевать у Светки Евдокимовой. — Сивцова пожала плечами.

— А ты как? — Жуан перевел взгляд на Савельеву. — Папанька твой не будет против?

— Не будет, — буркнула та и отвернулась.

Татьяна
Корсакова

— Значит, договорились! — Жуан посмотрел на свои новенькие часы. — Тринадцатого в семь вечера жду вас у себя.

* * *

Как же она ненавидела их всех! И Сивцову, и Жуана, и даже Эйнштейна. Единственным человеком в этой компании, к кому Варя не испытывала явной неприязни, был Ворон. Влада Воронина она просто боялась. Страх этот был иррациональным, абсолютно ничем не подкрепленным. Ворон не унижал ее, как Сивцова, и не выставлял посмешищем, как Жуан с Эйнштейном, кажется, он вообще ее не замечал. А она все равно боялась: и взгляда исподлобья, и чуть снисходительной усмешки, и того, что ему вдруг тоже захочется ее унижить и оскорбить.

Этот вечер был особенно ужасным. Еще в школе на переменке Сивцова заявила, что ее мама велела Варе прийти к ним прибраться в квартире. И Варя не могла ее послушаться, потому что Юлина мама и была той самой строгой тетенькой из социальной службы, и именно от нее зависела дальнейшая Варина судьба. Во всяком случае, так ей объяснила Юлька.

«Савельева, либо ты помогаешь нам по хозяйству, либо твоего батю-алкоголика лишают родительских прав, а тебя отправляют в детдом». Вот такой получался выбор. Батрачить на чужую мерзкую тетку было унижительно, но перспектива оказаться

Дом у Чертова озера

в детском доме казалась еще хуже. И отца страшно оставлять одного — без ее присмотра он окончательно пропадет.

Варя решила. Тем более что особой работой ее в доме Сивцовой не загружали. Постирать, погладить, пару раз в неделю сделать влажную уборку, сходить в магазин за продуктами — обычная рутина, ничего ужасного. Гораздо хуже самой работы была Юлька Сивцова. Юлька возомнила себя столбовою дворянкой, владычицею морскою, а ее, Варю, — прислугой. Сначала Варя пыталась бунтовать, но разговор с ней был короткий: не хочешь быть прислугой, иди пакуй вещички в детдом. Единственное, что Варю утешало, — это то, что никто в классе не знал о ее унижении. До сегодняшнего вечера...

Принесла же нелегкая этих троих как раз в тот момент, когда она драила Юлькину кухню. А Сивцова, гадина такая, нет бы сказать, будто Варя зашла к ней в гости или по делу, рассказала всю правду. Правда в ее исполнении получилась несколько извращенной, про бедную сиротку и добрую Юлькину маму. Варя своими ушами все слышала, стоя за неплотно прикрытой кухонной дверью. Юлька рассказывала, а эти трое ржали. Во всяком случае, Жуан с Эйнштейном точно ржали. К горлу подкатила тошнота, а сразу же вслед за ней началось удушье. Хорошо, что ингалятор был при ней, и приступ астмы удалось вовремя остановить.

Варя думала, что на сегодняшний вечер с нее достаточно неприятностей — хватило жуановских

Татьяна
Корсакова

барских закидонов, — но Сивцова считала иначе, Сивцова решила добить ее окончательно. «Савельева, ты пойдешь на эту вечеринку и не будешь сидеть с кислой рожой в углу, а станешь веселиться, как остальные. Или веселить остальных, я еще не решила».

Вечер в компании этих моральных уродов?! Может, лучше сразу в детдом? Там, по крайней мере, из нее не будут делать прислугу и посмешище.

«Можно, конечно, и не ходить, — Сивцова читала ее мысли, — но подумай о своем чокнутом папашке».

Варя подумала и согласилась. Ничего страшного с ней не случится на этой их вечеринке...

Но даже на этом ее неприятности не закончились. Когда Юлькины гости стали собираться по домам, Варя решила ускользнуть незаметно. Ей не дали...

— Савельева, ты куда это одна на ночь глядя? — Жуан поймал ее за рукав пальто, мерзко ухмыльнулся.

— Пусти! — Она дернула руку.

— Не пуцу, девушкам нельзя шастать по темноте без провожатых. Ты нам на вечеринке нужна целая и невредимая.

— Отвали! — К горлу снова подкатило удушье. Варя нашарила в кармане ингалятор, судорожно сжала в кулаке.

— Я же сказал, что провожу. — Ей на плечо легла тяжелая ладонь. — Пойдем, Савельева, а то жарко тут стоять.

Дом у Чертова озера

— Видишь, Савельева, Ворону уже жарко! — заржал Эйнштейн. — Ты смотри там поаккуратнее с ним.

— Заткнись! — буркнул Ворон, выгалкивая Варю из квартиры.

— Ну, куда идти? — спросил он, когда они оказались на улице.

— Ты же сказал, что тебе со мною по пути. — Легкие жгло огнем, Варя покрепче сжала ингалятор.

— Куда идти? — повторил он и посмотрел так, что спорить сразу расхотелось.

— На Чингарскую.

Не говоря больше ни слова и не оборачиваясь, чтобы убедиться, что она идет за ним, Ворон направился к выходу со двора. Варя достала из кармана ингалятор, сделала два торопливых вдоха и поспешила следом.

До ее дома можно было добраться автобусом, но Ворон прошел мимо остановки, значит, решил идти пешком. Ну и дурак, автобусом было бы в десять раз быстрее.

Шли молча: Ворон впереди, Варя чуть сзади. Под ногами поскрипывал снег, мягкий морозец пощипывал щеки — красота. Точнее, была бы красота, если бы не Ворон. Мало радости разглядывать его спину, хоть бы словечко сказал..

Он сбавил шаг только возле ее дома, остановился, посмотрел сначала себе под ноги, потом на Варю, спросил:

— Савельева, зачем тебе все это?

Татьяна
Корсакова

— Что — это? — Она тоже посмотрела на снег у его ног. Снег был пушистый и красиво искрился в оранжевом свете уличного фонаря.

— На кой черт тебе эта вечеринка? — У него был такой взгляд, точно он осуждал ее за что-то. Ну конечно, кто она и кто Юлька Сивцова?! И нечего со свиным рылом в калашный ряд... Варе вдруг стало очень обидно. Еще обиднее, чем в тот момент, когда Жуан шпынял ее со сливками.

— А тебе какое дело? — спросила она зло.

— Мне? — Ворон удивленно нахмурился. — Вообще-то никакое.

— Вот и иди отсюда!

— Я так понимаю, это вместо спасибо?

— А тебя никто не просил меня провожать.

— Вообще-то Юлька просила.

Вот, значит, как! Его Юлька просила, а он такой верный рыцарь, не смог отказать прекрасной даме.

— Ладно, Влад, спасибо, — сказала она и даже нашла в себе силы улыбнуться.

— Не за что. — Он подышал на озябшие руки, а потом спросил: — Ну, так что ты решила насчет вечеринки?

— Я же уже сказала, что приду! — Мороз вдруг усилился, стал таким кусачим, что защипало глаза.

Ворон в ответ лишь равнодушно пожал плечами. Наверное, это означало, что право выбора остается за ней.

— Спокойной ночи, Савельева.

— Спокойной ночи.